

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

**КРИЗИСЫ
В МОДУСАХ ВРЕМЕНИ
И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ УРОКИ**

Силласте Галина Георгиевна

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, член
Научно-экспертного совета при
председателе Совета Федерации РФ,
профессор Финансового университета
при Правительстве РФ, г. Москва,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Раскрываются теоретические и прикладные особенности социологического подхода к исследованию кризисов. Анализируются санкционный кризис, его специфика и измеримость, типология финансово-экономических кризисов, их интенсивность и распространенность, влияние на социальную практику. Автор уточняет дефиницию «социальные риски», анализирует виды и интенсивность социальных рисков финансово-экономических кризисов, их содержание и воздействие на социальное воспроизводство.

Ключевые слова: модус социального времени, кризис санкционный, социальный урок, воспроизводство, финансово-экономический кризис, конфликт социальный, риск социальный, риск жертвы, риск эконоцида.

**CRISES
IN THE MODE OF TIME
AND ITS SOCIAL LESSONS**

Sillaste Galina G.

Honored Scientist, Doctor of Philosophical Sciences, Member of the Scientific Advisory Board of the Chairman of the Federation Council, Professor, Financial University affiliated to the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: galinasillaste@yandex.ru

The theoretical and practical features of sociological approach to the study of crises are revealed. The sanctions crisis, its specificity and measurability, typology of financial and economic crises, its intensity and breadth, and its influence on social practice are analyzed. The author clarifies the definition of "social risks", analyzes the types and intensity of the social risks of financial and economic crises, its content and influence on social reproduction.

Keywords: mode of social time, sanctions crisis, social class, reproduction, financial and economic crisis, social conflict, social risk, risk of a victim, risk of ekonotsid.

Любой социальный и финансово-экономический кризис ставит перед обществом сложную дилемму **жизни и выживания в кризисных условиях**. Какова связь между этими формами существования и воспроизводством социальных ресурсов? Как кризисы социально детонируют общество и влияют на его развитие? Какова связь социального времени и адаптации? Эти вопросы встают при анализе изменений, происходящих в обществе под влиянием кризисов и их последствий. Для ответа на поставленные вопросы построим свой анализ в формате ряда социологических сюжетов.

Сюжет 1. Жизнь и выживание как формы жизнедеятельности и дихотомический процесс в модусах социального времени. Жизнь и выживание как одна из ее форм отражают сложнейшие социальные процессы в обществе, сопровождающие глубокие социальные изменения, трансформации и их многомерные последствия, поддающиеся социологическому измерению и регуляции. Концептуальной основой анализа этих процессов является парадигма социального времени. В парадигме социального времени жизнь и выживание как одна из ее форм могут анализироваться в трех модусах социального времени: прошлого, настоящего и будущего.

Модус прошлого позволяет обобщить социальные результаты исторического прошлого как длительного социально-исторического процесса и выделить его социальные уроки для настоящего.

Модус настоящего отражает интенсивность раскручивания и воздействия спирали кризисных процессов в обществе сегодня и сейчас; получать социологическую фотографию происходящего, под воздействием которого формируется новая реальность, новые условия жизни и развития социума, вынуждающие и личность, и социальные группы, и социальные институты находить новые формы социальной адаптации для жизни или выживания.

Модус будущего позволяет проецировать новые, более оптимальные формы жизни и выживания в созданных реальностью условиях, моделировать футурологические (а языком XXI в. – виртуальные) ситуации возможной жизни в среде, которая сформирована последствиями кризисов. При этом минимизация социальных и экономических издержек достигается способностью применять социальные уроки прошлого для оптимизации жизни в будущем.

Сюжет 2. Социальные изменения в условиях кризисов формируют в обществе атмосферу неопределенности, которая неизменно порождает риски не только финансово-экономические, но и

социальные, усложняющие жизнь и функционирование социальной системы, личности и отношений. Социальный риск означает возникновение ситуации неопределенности, основанной на дихотомии действительности и возможности, обуславливающей вероятность наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных объектов [1, с. 27]. Рисками, наиболее трудно поддающимися количественному измерению и расчету, являются социальные, так как они (согласно рисковому теории У. Бека), будучи «рисками рукотворными», полностью зависят от человеческого фактора, компетентности и способности личности действовать в условиях социальных изменений и порождаемой ими неопределенности.

В чем альтернативность и амбивалентность социального риска? С одной стороны, без риска нет поступательного движения самого общества, нет инновационной деятельности. С другой – просчеты, ошибки человека в хозяйственной и финансово-экономической деятельности, в использовании техники и технологий порождают все новые угрозы для самого существования общества, его финансовой и технологической систем.

Является ли состояние изменчивости и неустойчивости общества типичным для российской экономики конца XX – начала XXI в.? Безусловно. Это связано с неоднократной сменой состояния российской экономики и парадигмы ее развития – от капиталистической в начале XX в. к плановой социалистической в середине того же века – и криминальным возвратом к капиталистической системе хозяйствования в конце XX – начале XXI в. Таких феноменов исторических разворотов вспять не знала и не испытывала на себе ни одна мировая система, ни одно государство мира. В итоге российская экономика сегодня – это наглядный пример транзитивной экономики. Она отличается вероятностным характером развития, неопределенностью протекающих процессов и угрозами безопасности для личности и общества.

Сюжет 3. Кризис как конфликтогенный фактор, обуславливающий изменения социума и создающий в нем новую социальную реальность. Диалектика кризиса делает возможными его социологическое нюансирование и дифференциацию на основе принципа от общего действия к частному проявлению и специфике форм. Социологически дифференцировать кризисы можно по критерию их побудительного проявления и приоритетности обуславливающего фактора. Есть кризисы закономерные, развивающиеся по законам экономического развития капиталистической (рыночной) экономики. Таких кризисов россияне пережили за последние 25 лет как минимум 9, начиная

с финансового кризиса 1994 г. и заканчивая мировым финансово-экономическим кризисом 2008 г. Эти кризисы и сама логистика их развития связаны с закономерностями процессов экономического и финансового развития мировой и транзитивной отечественной экономики (достаточно вспомнить экономические циклы Кондратьева). Такие циклические кризисы можно прогнозировать, рассчитывать, разрабатывать социальные и финансовые технологии минимизации их негативных результатов, влияющих на жизнь населения и нередко ставящих его на грань выживания.

Но социальная реальность 2014–2015 гг. предъявила иной вид кризиса, доказывая жизнеспособность парадигмы политэкономии (которую с такой ветреностью вычеркнули из употребления в начале 90-х гг.). Кризис этот по критерию возникновения – сознательно спровоцированный, искусственно и даже насильственно солидаризированный, реализуемый в формате режима экономических санкций в сугубо политических целях против конкретно одного государства – России. Кризис, определение которому – **санкционный**.

Это кризис не с виртуальными, а с четко поставленными целями (политическими, идеологическими), направленными на максимальное экономическое подавление политического противника и конкурента. Конечная цель успешности сценария: спровоцированный социальный взрыв населения, недовольного ухудшением своих материальных условий жизни, и конвергенция процесса в смену социально-политического режима в обществе. Сценарий отработанный, давно ставший социальной политтехнологией (хотя и очень дорогой). Однако цель для США и ЕС оправдывает эти сверхбольшие вложения.

Введение против России противоречащих международным нормам права экономических санкций можно рассматривать как пример выделения «энергии социального распада» стран ЕЭС. В конечном счете все это усиливает риски протестных акций в отдельных странах.

Сюжет 4. Кризисы с «энергией социального распада» как угроза личной и социальной безопасности. Будучи цельной социальной системой, общество обладает определенным запасом прочности и устойчивости к негативным воздействиям. Но когда социальный запас исчерпывается, начинается процесс выделения «энергии социального распада» – и социум превращается в общество всеобщего риска с резко сокращенной степенью личной и социальной безопасности, напрямую связанной с защищенностью жизненно важных социальных прав и интересов личности от внутренних и внешних угроз [2]. Результатами выделения «энергии социального распада» являются высокий

уровень криминализации сферы экономики и финансов, социальная поляризация общества и его раскол на сверхбогатых и нищих, распространение коррупции, разгул бюрократизма, недоверие народа к власти.

Замена социальной экономики монетарной приводит к замене ценностной системы самого общества, монетизации, усилению социальной сущности денег, доводя их до ценности культовой. Любопытный научный расчет произвел нобелевский лауреат Э. Дитон (2015 г.): современный человек рыночной эпохи удовольствие от денег, полное удовлетворение своим уровнем жизни получает при доходе **6 250 долларов в месяц**, после чего деньги не приносят удовольствия [3, с. 3]. Так как достижение такого размера уровня дохода нам в ближайшие годы явно не грозит, то конфликтогенная функция денег еще долго будет действовать в обществе транзитивной экономики.

Социальная практика подтверждает: риск социальный, являясь риском второго порядка (иначе агрегированным), обладает последствиями, которые отражаются на функционировании всего общества, его институтов и личности. Сегодня отрицательные последствия агрегированных рисков возрастают.

Социальный опыт показывает, что кризисы тем более спровоцированные, а значит, формально – коллегиально, а по сути – авторитарно контролируемые извне, относятся к мультилинейным процессам, распадающимся на целый веер траекторий, каждая из которых по своему обуславливает выживаемость общества и системы.

Сюжет 5. Реверсивность социального времени и социальные уроки. Почти все социальные процессы являются процессами парными, дихотомически образными. Разрушение – подъем, обнищание – обогащение, жизнь – выживание, победа – поражение и т.д. При этом следует помнить, что социальное время реверсивно, т.е. возвратно на крутых спиралях, повторяемо в уроках своего развития. Это должно учить политиков и лидеров не торопиться выдавать желаемое за действительное. Напротив: ставить задачу выделения социального урока из результатов прошлого развития в аналогичных или близких по историческому пафосу условиях.

С этой точки зрения процесс жизни и выживания социума следует рассматривать как парный процесс, обладающий обратимым, реверсивным характером, в сильной мере зависящим от способности исторического осмысления прошлого и социальных аналогий в нем. Отсюда можно дать следующую интерпретацию категории «социальный урок».

Социальный урок – это вывод для социальной практики управления, сделанный на базе обобщения прошлого опыта жизни и развития социума (или системы), а также достигнутых ею результатов позитивного и негативного характера для минимизации разрушительного воздействия действующих в реальном времени процессов (автор).

С этой точки зрения один из социальных уроков российской истории состоит в том, что главное для процесса развития общества – не разнообразие и плюрализм форм, видов пережитых и предстоящих кризисов, а те социальные **последствия**, которые они порождают и которые сущностно определяют всю посткризисную жизнь общества.

Кризисы Россия пережила разные: политические и финансовые, экономические и банковские, социальные и духовные. С точки зрения социолога оцениваем все кризисы с позиций конфликта социальных интересов, масштабов и глубины их несовпадения, четко определяя, где интересы одной и другой сторон и как между этим столкновением конфликтующих сторон размещается интегрирующий социум: страна – регион – город – село.

Руководствуясь методологическими принципами социальной конфликтологии, можно сформулировать еще один аккумулированный историей социальный урок: изучая социальные последствия кризисов, определять **ресурсы** минимизации их негативных результатов и предлагать действия по их нейтрализации и упреждению.

По данным социологической диагностики социальных рисков в условиях финансово-экономических кризисов с начала 90-х гг. произошло:

1. Укрепление роли семьи как социального и духовного тыла личности в кризисных ситуациях.
2. Существенное возрастание ценности своего здоровья и здоровья близких.
3. Формировавшееся на протяжении 1990–2000-х гг. чувство беспомощности сменилось резко окрепшей верой в себя и опорой на собственные силы, собственную дееспособность и в последнюю очередь – на ожидание помощи от государства. Это особенно относится к смене социальных ценностей среди городского населения.

В условиях транзитивной экономики россияне приобрели собственный опыт вынужденной, альтернативной социальной адаптации в условиях кризисов, сформировался российский социальный иммунитет в преодолении кризисных условий. И это то, что не понимает и не учитывает современный политический западный конкурент. По своей

социальной природе они не могут этого ни понять, ни тем более учесть.

Сюжет 6. Кризисы усиливают потребность в социальных обязательствах государства перед группами повышенного социального риска, которые сегодня можно рассматривать в качестве групп приоритетного патернализма. К таким группам относятся многодетные семьи, одинокие люди, с ограниченными возможностями, дети, в особенности социальные сироты. А это значит, что объем социально нуждающихся в активном госпатернализме существенно сокращен по сравнению с 90-ми гг., когда в него входили все слои женщин, а также военнослужащие. Означает ли это победу монетаристской доктрины государства? Государство не отказалось от социального патернализма как внутренней политики, но патернализм теперь измененный, сказала бы, усеченный и статусно направленный. Это означает не оказание помощи для всех в равной мере, а помощь лишь конкретным группам в конкретных условиях. Можно сказать, что это социально дифференцированный патернализм.

В чем своего рода социальная фишка патерналистской опеки государства на данном этапе развития транзитивной российской экономики? Во-первых, в устойчивой гендерной асимметрии структуры нуждающихся в патерналистском патронаже. Россия по своей социально-демографической структуре является страной ярко выраженной феминизации. Женщины преобладают во всех социальных группах риска: среди пенсионеров, одиноких, пожилых, старых, малолетних. Везде – кроме девиантных групп. Какова связь социального патронажа и борьбы с бедностью?

В России на законодательном уровне введен в действие специфический инструмент в борьбе с бедностью – социальный контракт, направленный на оказание помощи малоимущим слоям населения. Но не всем, а оказавшимся в трудной жизненной ситуации и готовым предпринимать активные действия со своей стороны для выхода из нее, если такие действия будут поддержаны со стороны госинститутов.

По данным главы Минздравсоцразвития, в России 18,6 млн человек (более 13 % населения) живут за чертой бедности. В числе бедных – семьи с низкими денежными доходами и имеющие двух и более детей. Для практической реализации адресной поддержки социально незащищенных россиян разработаны изменения в ФЗ «О государственной социальной помощи» в связи с введением государственной социальной помощи на основе социального контракта. Его цель – повысить реальные доходы семей, находящихся за чертой бедности, и помочь им вый-

ти из разряда нуждающихся в государственной помощи за счет предлагаемой им новой формы трудового поведения. Результатом должно стать повышение качества жизни путем выявления адаптивных возможностей малоимущей семьи (или малоимущего одиноко проживающего россиянина).

В договоре прописываются конкретные действия, которые должна предпринять каждая договаривающаяся сторона для изменения сложившейся тяжёлой жизненной ситуации, усугубившей материальное положение получателя адресной социальной помощи. Ему предлагается форма активизации его трудового потенциала с тем, чтобы благодаря ей человек смог бы постепенно перейти на самообеспечение. Эта модель социальной поддержки включает разработку программы индивидуальной социальной адаптации: плана действий обеих сторон договора, разработанного в результате собеседования и анализа причин сложившейся трудной жизненной ситуации, выявления потенциальных возможностей получателя помощи.

Сколь эффективна такая социальная технология для современной России? Для ответа нужны расчеты и знание конечных результатов действия модели. Можно обратиться к опыту других стран в их применении национально адаптивных социальных технологий по борьбе с бедностью.

Например, к опыту **Франции**, где действенным инструментом социальной помощи в сопровождении социального контракта (он тоже установлен национальным законом) является доход активной солидарности (RSA) [4], который охватывает в том числе и работающих бедных. Основное назначение данного вида социальной помощи – активное побуждение незанятых к включению в профессиональную деятельность и дополнительная поддержка тех, кто включился в занятость, но не имеет еще возможности в силу возраста или низкой квалификации получать более высокий доход.

Или можно проанализировать опыт **американских домохозяйств**, имеющих доход ниже черты бедности, где около 60 % получают по крайней мере один вид неденежной помощи, а 20 % из них получают и денежную помощь. А можно обратиться к опыту **Великобритании**, где девизом системы социальной поддержки является метафора: «Работа для тех, кто может работать, социальная поддержка – для тех, кто не может» [5]. Здесь оплачиваемая занятость рассматривается как главное средство, с помощью которого люди могут обеспечить себе адекватный уровень благосостояния, избежать бедности и быть включенными в жизнь местного сообщества. По оценкам депар-

тамента занятости и пенсионного обеспечения, за прошедшие 10 лет эти программы помогли найти работу почти 3 млн человек и создали 1 729 000 новых рабочих мест; а число домохозяйств, в составе которых нет ни одного работающего, сократилось на 200 тысяч [6].

Вопрос: как применять зарубежный опыт? Методом кальки или продумывать аккуратные формы адаптации к отечественным условиям и традициям? Критический исторический анализ позволяет сформулировать социальный урок: зарубежный опыт борьбы с бедностью, использования плана выхода из экстремальных ситуаций должен вводиться в отечественную практику и адаптироваться в ней лишь после всестороннего анализа не только позитивных, но, что еще важнее, и негативных последствий, способных усугубить ситуацию для общества и личности.

Сюжет 7. Капитализация старости, воспроизводство пенсионеров и пенсия как средство выживания. Исторический опыт и российская реальность неоднократно доказывали пагубность тактики «догоним и перегоним». Кого нам сегодня предлагают догонять по пенсионному возрасту за рубежом? (табл. 1).

Таблица 1

**Межстрановое сравнение пенсионного возраста
и продолжительности жизни населения**

Страна	Пенсионный возраст, лет		Средняя продолжительность жизни, лет
	Мужчины	Женщины	
Япония	70	70	82,1
Норвегия	67	67	79,9
США	65	65	78,1
Германия	67	67	79,3
Великобритания	68	60	79,0
Франция	67	65	81,0
Азербайджан	62	57	66,7
Россия	60	55	66,0
Беларусь	60	55	70,6

В условиях санкционного кризиса и национального режима экономики вопросы капитализации старости и раскрытия ее социального ресурса выдвигаются на первый план и становятся влиятельным политико-экономическим фактором. По сути, в обществе происходит переосмысление роли пожилых людей.

Анализ прошлого и вытекающий из него социальный урок говорят о том, что возраст выхода на пенсию отражает успешность взаимо-

действия трех характеристик общественного развития: национальной экономики (прежде всего, ее промышленного сектора), степени гуманизации государственной власти и ее политики, а также состояния демографической ситуации. Чем дольше будет оставаться слаборазвитым промышленный сектор экономики, тем настойчивее государство будет насаждать идею повышения возраста выхода на пенсию.

Стремление увеличить пенсионный возраст в стране кризисного состояния с нестабильной экономикой и понижающимся уровнем жизни населения курс на капитализацию старости может привести к углублению бедности в обществе, усилению пенсионного неравенства и социальной напряженности.

В то же время следует учитывать и тревожный прогноз, согласно которому к 2020 г. численность трудоспособного населения упадет более чем на 7,4 млн человек, число граждан старше трудоспособного возраста возрастет на 3,8 млн человек. Явно нужны рациональные, но гуманные решения. Вопрос – какие?

Сюжет 8. Последствия финансово-экономических кризисов отражаются на объектах социальных рисков, подлежащих защите. Каковы в настоящее время объекты социальных рисков экономических кризисов? К ним относятся:

1. Имущество (жилье, земля, здание, личный транспорт, торговые марки и бренды, репутация, интеллектуальная собственность).

2. Личные доходы по вкладам, прибыль, получаемая личностью или организацией, собственником или наемным работником, рента, платежи.

3. Социальные трансферты (пенсии, стипендии, пособия и др. социальные выплаты).

4. Социальные права и жизненно важные интересы личности, закреплённые в Конституции и теряемые (или сократившиеся) в результате кризиса (право на жизнь, работу и оплачиваемый труд на профессию, охрану здоровья, отдых, бесплатное образование, безопасность, личная свобода).

Кризисов без последствий не бывает. С социологической точки зрения кризис – явление системное. Поэтому задача состоит в том, чтобы выделить социальные уроки прожитого периода и учесть их в кризисных условиях настоящего и минимизировать потери. Что касается экономических последствий, то они традиционны: пляска цен – инфляция – снижение уровня и качества жизни – девальвация рубля.

В чем социальный урок рискологии кризисов? Итоги социологического исследования на тему «Социальные риски финансово-

экономических кризисов», выполненного по заказу Правительства РФ (2013–2014 гг.), позволили диагностировать и построить шкалу наиболее распространенных социальных рисков (табл. 2).

Таблица 2

Иерархия наиболее распространенных социальных рисков, порождаемых финансово-экономическими кризисами

Социальные риски	% опрошенных
1. Риск невротизации	84,0
2. Риск потери работы и безработицы	68,4
3. Риск «комплекса жертвы»	48,1
4. Риск насилия и потери безопасности	48,0
5. Риск потери доверия	46,0
6. Риск ущемления социальных прав и свобод	44,2
7. Риск бедности	43,7
8. Риски гендерные (в т.ч. дискриминации)	33,1
9. Риск неоплаты кредита	30,8
10. Риск потери профессии и дисквалификации	30,0
11. Риск индивидуальной ненужности	21,0
12. Риск переквалификации	16,5
13. Риск недовольства и протестной активности	15,2
14. Риск одиночества	13,9
15. Риск банкротства	12,1
16. Риск социальной неустойчивости	10,4
17. Риск эконоцида (самоубийства)	7,3
18. Риск маргинализации	7,1
19. Риск люмпенизации	6,3
20. Риск профанации	5,8

Согласно авторской концепции типологических критериев и видовых особенностей социальных рисков финансовых кризисов, наиболее актуальные и регулярно повторяемые делятся по четырем критериям классификации: сфере проявления риска; продолжительности сохранения риска; прогнозируемости и степени распространенности.

Не ставим задачу раскрыть каждый из измеренных рисков, но прокомментируем некоторые.

Социальный риск невротизации – самый распространенный во время крупных кризисов (в 2008–2009 гг. охватывал до 84 % респон-

дентов). Выражается в повышенной личностной тревожности, которая обуславливается снижением уверенности в завтрашнем дне; снижением уровня социального оптимизма, переживаниями, порожденными кризисом и личными потерями в нем.

Например, социологически установлено, что в результате финансового кризиса 1998 г. ощущали полный или почти полный синдром высокой личностной тревожности 20 %, мирового финкризиса 2008 г. – до 60 % россиян. В результате мирового финансового кризиса число людей, опасющихся беззакония в обществе, возросло в 3 раза, опасющихся нищеты и криминализации – в 4. Тревожное сознание усиливает рискованность социального поведения различных групп населения.

Психологические последствия кризисов – потеря уверенности в собственных силах, депрессия, риск эконоцида, усиление потребности в психологической поддержке. Практика показывает, что готовность к рискованному действию тем выше, чем выше вероятность потери личного контроля над обстоятельствами.

Гендерные риски обусловлены гендерной асимметрией в пользу перевеса количества женщин во многих отраслях экономики и экономической деятельности; повышением образовательного уровня женщин на фоне снижения образовательной подготовки мужчин; медленным, но устойчивым процессом деквалификации мужчин, занятых в экономике.

Кризис 2008 г. вытеснил из трудовой семьи 4,2 млн россиян. Санкционный кризис 2014–2015 гг. вместе со скрытой безработицей – около 7 млн. По данным социологов, самые бесперспективные соискатели работы – граждане до 25 и старше 40 лет. Большой опыт соискателей отпугивает нанимателей. Молодые начальники боятся управлять людьми старше себя. Женщин среди безработных – 44,9 %. Большинство объявлений о поиске работы размещают мужчины. На трудовых сайтах дискриминация идет не столько по полу или возрасту, сколько по диплому. В Госдуму внесен давно назревший в нашем обществе законопроект о наказании рублем за трудовую дискриминацию.

Социальный риск «комплекса жертвы» особенно распространен среди социально-ролевых групп вкладчиков, заемщиков, инвесторов, сберегателей. Исследования показывают, что за 90-е гг. число лиц, входящих в группу с «комплексом жертвы», удвоилось и составляет около 40 %. В целом «комплекс жертвы» на этапе активного кризиса порождает социальную пассивность, потребительскую психологию (в том числе стремление получать помощь, но не оказывать ее другим);

снижает интерес к честному труду; приводит к срывам и девиантному поведению.

В конечном счете это повышает риски протестных акций. В том числе – среди обманутых заемщиков, вкладчиков, пайщиков, потребителей. Сегодня в России преобладающим является рисковый образ мышления и поведения.

Риск обеднения. В России на долю 10 % самых богатых россиян приходится 30,5 % общего объема денежных доходов населения, на долю 10 % самых бедных – 1,9 %. Это настоящая пропасть. По соотношению доходов, распределяемых между самыми бедными и самыми богатыми, мы давно перешли порог социальной безопасности. При этом доходы самых обеспеченных растут на 70–90 % в год – темпами, абсолютно недостижимыми для бедных россиян. По итогам кризисного 2009 г. разрыв в доходах составил 16,7 раза, а сейчас приближается к 17. Борьба с бедностью пока малоэффективна.

Опыт прошлых лет подводит к важному **социальному уроку**. В случае синхронного наложения последствий кризиса на одновременную интенсификацию проводимых социальных реформ в жизненно важных сферах жизнедеятельности (здравоохранение, образование, жилье, пенсионное обеспечение) резко возрастает риск социального недовольства, повышения конфликтности в обществе за счет деконсолидации населения.

История учит: в кризисном состоянии социума, когда распространяются негативные последствия кризиса на различные слои населения, целесообразно вводить своего рода временный мораторий на реформирование социальных жизненно важных сфер жизни населения, семьи и личности. Одновременное, т.е. синхронное по времени, распространение последствий кризиса, с одной стороны, и социальное реформирование – с другой, представляют собой «гремучую смесь» для интенсификации социальных рисков и угроз социальной стабильности самого общества.

Однако властные социальные институты в очередной раз демонстрирует пренебрежение социальными уроками, и в результате здравоохранение сотрясают детонирующие реформы, связанные с интенсивной коммерциализацией медицинских услуг, сокращением квалифицированных кадров, времени пребывания пациентов в клиниках; перестройкой (любят же в России этот горбаческий процесс) поликлинического обслуживания.

Система высшего образования напоминает огромный плавильный котел, где смешивается в переваривании все: опыт и традиции,

достижения и традиционный демократизм вузовского образовательного и научного сообщества, с такими «специями», как Болонский процесс, сокращение преподавательского корпуса (в том числе и по объективной геронтологической причине), подмена качества содержания обучения качеством его технизации, бюрократизации и администрирования. «Вываривается» сам дух научного демократизма вузовской среды, перерождаясь в явную авторитарность и менеджеризм.

Сюжет 9. В модусе будущего: могут ли властные социальные институты сократить социальные риски и угрозы санкционного кризиса? По оценкам Всемирного банка (ВБ), главными рисками экономических санкций для российской экономики будут хронически низкий уровень инвестиций и дорогие кредитные ресурсы; прогнозируемый рост уровня бедности – до 14 % (20,1 млн чел.) в 2015 г. и 14,1 % (20,3 млн чел.) – в 2016 г. Это грозит российскому обществу наиболее существенным повышением уровня бедности со времен кризиса 1998–1999 гг. Поживем – оценим.

Рыночный опыт многому научил властные институты. В государстве принят ряд мер по нейтрализации негативных последствий санкционного кризиса. Важным социальным уроком для развития общества в условиях санкций и экономического кризиса является вывод о том, что кризисы требуют внедрения мобилизационной внутренней политики и мобилизационного режима развития отечественной экономики, аккумуляции финансовых ресурсов на приоритетных направлениях развития, их переоценки с точки зрения главного звена, уцепившись за которое (говоря ленинскими словами) можно вытащить всю цепь. Таким звеном сегодня считается **реиндустриализация российской экономики**.

Она дополняется политикой активного импортозамещения, усиления согласованности действий между государством и крупным капиталом, последовательной внешней наступательной политикой по защите национальных интересов, а также – что важно подчеркнуть – солидаризацией интересов власти и населения, повышением доверия политическому лидеру. Согласно данным «Левада-центра», действия российского президента одобряют 87 % жителей страны. Однако следует учесть давно доказанное свойство общественного мнения – его капризность, изменчивость, потребность постоянной подпитки и подтверждения.

В заключение отметим, что российское общество периодически вступает в кризисы, по-разному из них выходит, расплачиваясь разными социальными, экономическими, финансовыми, политическими,

мировоззренческими и социокультурными рисками, угрозами и потерями. Сегодня общество не испытывает той глубокой культурной травмы, которая была свойственна абсолютному большинству россиян на протяжении 1990–2000-х гг. Российское общество окрепло духовно и материально, политически и физически.

Российская ментальность, обладая необычной социальной выносливостью, терпением и духовно-политической силой, сохраняет национальную находчивость и упорство в экстремальных ситуациях; способность объединиться перед лицом общей опасности и откровенно наглого врага. Это позволяет выживать, комбинируя, казалось бы, несовместимые решения и подходы для снижения социальных рисков санкционного кризиса, центром которого сделали Россию.

Но, словами ставшей популярной песни, «нас бьют – мы летим...» Надеюсь, что сможем это делать «все выше и выше», используя свой национальный социально-исторический опыт и его социальные уроки.

Литература

1. *Силласте Г.* Социальные риски финансово-экономических кризисов: научный отчет по итогам социологического исследования, выполненного по заказу Правительства РФ (2013–2014 гг.). М., 2014.
2. *Силласте Г.* Социальная безопасность личности, общества и государства // Безопасность Евразии. 2004. № 4.
3. *Миронов В.* Сколько стоит счастье // Российская газета. 2015. 13 окт.
4. *Horusitzky P., Julienne K., Lelièvre M.* Un panorama des minimas sociaux en Europe // Etudes et Résultats DREES. 2006. № 464.
5. Department of Social Security. *New Ambitions for Our Country.* L., 1998.
6. Материалы сайта департамента занятости и пенсионного обеспечения Правительства Великобритании (Department of Work and Pensions). URL: <http://www.dwp.gov.uk/supplying-dwp/what-we-buy/welfare-to-work-services> (дата обращения: 16.09.2015).

References

1. *Sillaste G.* Social'nye riski finansovoeconomicheskikh krizisov: nauchniy otchet po itogam sociologicheskogo issledovaniya, vypolnennogo po zakazu Pravitel'stva RF (2013–2014 gg.). M., 2014.
2. *Sillaste G.* Social'naya bezopasnost' lichnosti, obshhestva i gosudarstva // Bezopasnost' Evrazii. 2004. № 4.
3. *Mironov V.* Skol'ko stoit schast'e // Rossijskaya gazeta. 2015. 13 okt.
4. *Horusitzky P., Julienne K., Lelièvre M.* Un panorama des minimas sociaux en Europe // Etudes et Résultats DREES. 2006. № 464.
5. Department of Social Security. *New Ambitions for Our Country.* L., 1998.
6. Materialy sayta departamenta zanyatosi i pensionnogo obespecheniya Pravitel'stva Velikobritanii (Department of Work and Pensions). URL: <http://www.dwp.gov.uk/supplying-dwp/what-we-buy/welfare-to-work-services> (data obrashhenija: 16.09.2015).